

Д, ТАК и называлась основная тема десятой шекспироведческой конференции, которая состоялась в конце августа этого года в тихом Стратфорде на Эйвоне, затерянном среди полей и холмов провинциальной Англии. В эти дни у нас уже развернулось всенародное обсуждение Программы КПСС, а за рубежом истерически кричали о «берлинском кризисе».

...Дорога в Стратфорд шла через пастбища, городки и леса, озаренные не по-английски щедрым августовским солнцем, и была уже как бы предисловием к Стратфорду. Мы ехали через шекспировские места — мимо рыжих руин Кенильворта, где не раз бывала гостьей Елизавета; мимо серых башен Уорика, тонущих в пышной и нежной зелени, с заездом в старый парк, хозяин которого, по преданию, преследовал молодого Шекспира за браконьерство.

Уже после полудня мы въехали в праздничный Стратфорд, расцвеченный флагами по случаю конференции и забитый машинами и автобусами туристов. Нас любезно поместили в приземистом старинном домике — отеле «Фолкон» («Сокол»), якобы существующем с XVI века. Направо от узких дверей «Фолкона» поднимается внушительное здание Грамматической школы, куда в течение двух лет ходил подросток Уил Шекспир. Налево виден тот самый дом на «Нью Плэйс» — когда-то лучший в городе, — который был куплен поэтом в конце века.

Теплым вечером, когда на площадях Стратфорда зажглась праздничная иллюминация, мы постояли у домика жены поэта — старого крестьянского пнеза, спавшего под тихим светом только что поднявшейся луны, — и поклонились месту последнего успокоения поэта. Среди старых, трогательных в своей серьезной грубости могильных камней, под кронами старых деревьев светятся окна скромной древней часовни, где есть плита с именем Шекспира и его странный бюст слева в нише. Время было не раннее, мы оказались последними посетителями; тем отраднее было помолчать здесь, в тишине, нарушаемой только вежливым бормотаньем музейного сторожа.

Затем последовал вечерний прием, которым официально начиналась конференция. Уже по нему было видно, что в Стратфорде устанавливается дружеская и непринужденная атмосфера, в которой легко спорить и обмениваться мнениями.

Конференция оправдала свое название — Шекспир и современность. Это можно заключить из того, что наряду с английскими и американскими шекспироведами и учеными из других стран Западной Европы ее участниками были делегаты из Чехословакии, Польши, Венгрии, СССР, Югославии, Индии. Конечно, и методология докладов, и их материалы были различны. Но в серии выступлений, посвященных проблемам изучения, переводов и постановок Шекспира в различных странах, был охвачен весьма широкий круг национальных аспектов восприятия Шекспира. Были продемонстрированы именно международное значение великого английского драматурга и вместе с тем глубокий интерес, проявляющийся к нему во всем мире.

В выступлениях ученых из стран

ШЕКСПИР И СОВРЕМЕННОСТЬ

Р. САМАРИН

социалистического лагеря наметилось одно важное общее обстоятельство: выдвигая большие историко-литературные и эстетические проблемы, доклады эти вместе с тем были тесно связаны с практикой того подлинно народного усвоения Шекспира, которое идет в наших странах.

О Шекспире и современности говорил известный английский писатель Дж. Бойнтон Пристли, известный своими интересными статьями, посвященными некоторым отдельным особенностям шекспировского театра. На этот раз Пристли выступил с речью более обобщающего характера. Он произнес ее просто и временами взволнованно. Пожалуй, самым важным в ней — об этом говорили и другие участники конференции — были слова о гуманизме Шекспира, особенно дорогом для людей XX столетия с его машинной цивилизацией, с преклонением перед так называемыми «естественными» науками, с человечеством, которое подчас забывает о человечности... В речи писателя было много горькой тревоги за будущее читателей Шекспира, живущих в XX веке.

В собственно научных докладах и сообщениях, которые были заслушаны участниками конференции, за редким исключением ставились важные и серьезные вопросы.

По поводу советского доклада, посвященного теме «Наша близость к Шекспиру», газета «Таймс» писала, что в нем Шекспир «весьма напоминает идеального советского человека». Однако участники конференции не указывали на это обстоятельство: их заинтересовали наше понимание гуманизма Шекспира, взгляды советских шекспироведов на творческий метод Шекспира и особенно — на проблему характера у Шекспира, а также ряд фактов, свидетельствующих о широкой популярности Шекспира в СССР. В кулуарных разговорах, которые нередко бывают содержательнее официальной дискуссии, не раз возникал вопрос о реализме Шекспира и о современном театре, о природе трагического у Шекспира.

Один из участников конференции в частной беседе сообщил нам, что он на следующий день будет говорить о Шекспире «с капиталистической точки зрения». На вопрос о том, существует ли такая именно точка зрения на Шекспира, наш собеседник, не уточняя своей позиции, предложил иную формулировку. «Я буду, во всяком случае, представлять капиталистическую сторону», — сказал он (небезынтересно отметить, что наш собеседник не был ни англичанином, ни американцем). Из его выступления, сделанного в очень изящной и остроумной форме, выяснилось, что позиция «капиталистической стороны» в представлении на-

шего собеседника свелась по существу к довольно старой мысли: Шекспир — прежде всего великий сказочник и неисчерпаемо веселый фантаст-остроумец, радующий человечество своим поэтическим воображением. Эта оценка Шекспира вызвала возражения со стороны ряда английских и американских участников конференции, которые противопоставили ей гораздо более полную и сложную концепцию творчества Шекспира-реалиста.

В течение всех дней работы конференции шел фестиваль шекспировских пьес в Мемориальном шекспировском театре в Стратфорде.

Разбираясь в полученных впечатлениях, приходишь к выводу о том, что в этих постановках отразились сложные пути развития современного шекспировского театра в Англии.

Наиболее цельное и значительное впечатление остается от «Ричарда III» (постановка В. Гескилла) с молодым канадским актером Кристофером Пламмером в главной роли. Вся линия роли Ричарда, понятая как история возвышения и падения тирана, прочерчена уверенно и резко, что усиливается несколькими специфическими средствами мимики и жеста. Болезненно алый цвет костюмов Ричарда неизменно выделяется на фоне холодных и спокойных тонов, в которых выдержана вся постановка.

Однако даже в этой наиболее, на наш взгляд, продуманной из четырех виденных нами постановок сказалось известное упрощение шекспировских характеров, прежде всего — характера самого Ричарда. Для Пламмера он только коронованный злодей, ненастный убийца, в его Ричарде нет того богатства чувств, того зловещего актерства, которое присуще герою хроники.

Много интересного в живом динамическом спектакле «Как Вам это понравится» (постановка Майкла Эллотта). Когда смотришь ее в Стратфордском театре, вспоминаются поля и дубравы, лежащие вокруг города, запахи и цвета английской природы, настолько сумел постановщик раскрыть лесную поэзию пьесы, то ее народное начало, которое так разнообразно и сильно звучит и в песне охотников, и в куплетах пажа, и в островах Оселка, и во всей роли Одри, которую отлично играет Пэтси Бэри. Розалинда молодой актрисы Ванессы Рейдгрейв — это воплощение длинноногой английской женственности — большая удача Мемориального театра.

Я уже кончал эту статью, когда узнал, что и Одри, и Розалинда — актрисы П. Бэри и В. Рейдгрейв — были привлечены к суду и оштрафованы за участие в демонстрации протеста против ядерного вооружения, состоявшейся 17 сентября. Любящая Шекспира молодая Англия отстаивает сегодня благородное дело мира!

Спорно и экстравагантно, но с большим блеском поставлена комедия «Много шума из ничего» (режиссер М. Лэнгэм): в костюмах и реалиях эпохи европейского романтизма — позднего ампира и реставрации. На сцене мелькают великолепные гусарские доломаны и ментики, фрак и дамские туалеты с высокой талией и открытыми плечами. Бенедикт и его друзья шелкают шпорами, изящно курят и лихо танцуют мазурку и вальс. Светская комедия, которая получается в результате, смотрится легко и интересно, но яркое и очень театральное зрелище перестает ассоциироваться с текстом Шекспира.

Четвертым спектаклем был «Гамлет», и он огорчил многих участников конференции. Правда, и в «Гамлете» театр продемонстрировал много режиссерской выдумки. Ряд мизансцен «Гамлета» запоминается как отлично продуманные и сыгранные шахматные партии. Но что же мог поделаться режиссер, если сам Гамлет — Ян Бэннен — еще не достиг того творческого развития, когда актеру можно брать за Гамлета? Нельзя назвать удачными ни Клавдия, слишком беззаботного и самодовольного в

исполнении Поля Хардвика, ни остальные воплощения шекспировских персонажей. А самое неприятное — это погоня за дешевыми натуралистическими эффектами. Гамлет, вылакивающий за ноги труп Полония, тискающий в неистовых объятиях Гертруду, которую он зачем-то пытается обнажить в той же сцене, напоминает о давно надоевших и безвкусных фрейдистских выдумках.

Зрительный зал в целом был недоволен этой постановкой. И в антрактах, и позже — в клубе участников конференции, где после окончания спектаклей за чаем шли горячие споры о различных возможностях трактовки Шекспира, «Гамлет» был оценен как наименее удачная из пьес фестиваля.

В современном английском шекспировском театре идет сложный процесс развития, и если порою случаются неудачи, подобные «Гамлету» Питера Вуда и экстравагантным экспериментам, вроде «Много шума из ничего» в костюмах начала XIX века, то видны и серьезные искания, стремление найти новые варианты сценического прочтения Шекспира.

Да, Шекспир, как сказал молодой Гете, и несть ему конца... Десятая международная шекспироведческая конференция еще раз подтвердила правильность этих слов. Действительно, «нет ему конца», и каждая новая эпоха открывает в нем новые и новые возможности, чувствует его своим другом и современником.

Это показала и наша встреча, недаром названная «Шекспир и современный мир». Но именно потому, что я хотел быть верным Шекспиру, я не забывал и о «современном мире» — об англичанах наших дней, с которыми я разговаривал, спорил, пил крепкий чай, дорогой истым англичанам, как и мне, встречался в поезде, в книжном магазине, в театре, на улицах. Конечно, несколько дней — срок слишком малый, чтобы можно было говорить о чем-либо большем, чем самые общие впечатления. Но среди этих впечатлений я запомнил глубокий интерес ко всему, что связано с Советским Союзом, неоднократные проявления внимания, дружбы к советским людям, желание сказать им нечто приятное — касалось ли это нашего Гагарина, о котором нам говорили случайные встречи, узнав, что мы русские, или советского фильма «Отелло», в котором англичане дружно отмечают игру А. Попова, или, наконец, работ советского шекспироведа М. М. Морозова, которого в Англии хорошо знают. Я запомнил, что, узнав в нас советских людей, случайные попутчики, кондуктора, приказчики — особенно молодежь — проявляли к нам специфически английскую ненавязчивую доброжелательность, которая не нуждается иной раз ни в словах, ни в улыбках, но чувствуется во взгляде, в прощальном кивке, в малом знаке внимания. Конечно, эти люди читали в те дни газеты и слушали передачи, в которых было много вранья о целях и намерениях Советского Союза. Конечно, я не спрашивал их: «Ну как, ребята, неужели вы будете воевать из-за Западного Берлина?» Но в том, как они относились к нам, можно было различить некую молчаливую позицию: ну, нам-то с вами ссориться не из-за чего.

Конечно, во многих газетах, которые я читал в те дни, писалось и другое. Но и в газетной болтовне сколько раз ловил я те же интонации — иногда даже рядом с какой-нибудь заметкой, написанной визгливо и нагло.

Я видел, как полицейские перед нашим посольством в Лондоне унимали не в меру ретивых журналистов, образованных довольно жидкой демонстрацией по поводу заявления о возобновлении испытаний атомного оружия в СССР. Иногда даже над крышей того мирного здания в Стратфорде, где шла конференция, с ревом пронеслись реактивные боевые самолеты, на момент заглушая чье-нибудь рассуждение о метафоре

Шекспира или о его гуманизме. Но мне больше запомнилась дружная возня русских и англичан возле нашего «TV» на лондонском аэродроме и то чувство возникающих дружеских связей между шекспироведами разных стран и разных убеждений, с которым мы разъезжались из Стратфорда.

Директор мемориальных шекспировских мест в Стратфорде мистер Леви Фокс, на плечи которого ляжет огромный труд по подготовке Стратфорда к близящемуся четырехсотлетию со дня рождения Шекспира, обращаясь к участникам конференции, призвал их помочь ему в том, чтобы этот юбилей, имеющий поистине всемирное значение, отразил бы как можно шире все богатство различных национальных аспектов восприятия Шекспира.

Советский Союз после Англии по количеству шекспировских постановок и по накопленному опыту театральной трактовки произведений Шекспира стоит на первом месте. Нет сомнения в том, что советские переводчики располагают особенно богатым и лингвистически разнообразным опытом переводов Шекспира, что дает им очень широкие возможности для обсуждения важных теоретических проблем иноязычной передачи текста Шекспира. И эти стороны нашего восприятия Шекспира, и многие другие, о которых я не успел упомянуть в своей статье, придают международное значение всей проблеме «Шекспир в СССР» — этому постоянно живому явлению советской культуры. Нет сомнений в том, что шекспировский юбилей 1964 года пройдет как большой праздник советской культуры.

Но у нас есть все основания и для того, чтобы на международном форуме показать вклад советского искусства и науки в истолкование и восприятие Шекспира. Необходимо поддерживать и развивать связи советского шекспироведения — в любой его форме, начиная от советских актеров, переводчиков, ученых, режиссеров, занимающихся Шекспиром, — с людьми в двухэтажном, островерхом домике на спокойной и широкой улице Стратфорда, где идет подготовка к шекспировскому юбилею 1964 года, который будет праздником миллионов людей во всем мире, любящих Шекспира.